

Кретьова Лола Адриановна

**Бегство из мегаполиса: обретение себя, ностальгия
и духовность современного человека**

Ночью, в пустынных полях,
далече от Рима, я раскинул шатер,
и мой шатер был мне Римом.

Владимир Набоков

Для многих последователей понимающий психотерапии психология сознания и переживания – философская основа для осмысления собственного опыта консультирования в частности и мира в целом, включая такой, на первый взгляд, небольшой «островок» этого мира, как бывшие (или будущие бывшие) жители мегаполиса, перебравшиеся жить за город.

Соотнести надежды, чаяния, критические ситуации бывших горожан с работой переживания, соответствующей тому или иному жизненному миру, непросто. Одно из затруднений таково: остается ли сигнификативный компонент психологии сознания и переживания неизменным, являют ли описанные Ф. Е. Василюком критические ситуации (Василюк, 1984) ту же совокупность признаков и условий применимости, что и тридцать лет назад, или современный стресс или конфликт ценностей – это нечто иное, не идентичное ценностям предыдущих поколений, но привычно обозначаемое прежним словом? Есть ли у современных людей кризисы в том, уже старинном понимании кризисов, с примерами из Достоевского и Бунина? Не отражаются ли такие категории как «творческий жизненный мир» в сознании современных людей, включая психологов, иначе, чем в сознании предыдущих

поколений, предпочитая зеркала конкретики, оптимизма и прагматизма?

Очевидно, что культура и жизнь людей, представления об этике, эстетике, о смятении и душевных муках, о невыносимости и смыслах за прошедшие тридцать лет претерпела существенные изменения. Былой пафос художественных произведений, книг и фильмов, волновавших умы прежних поколений – драматично-романтический – теперь воспринимается в другом ключе, порой оценивается абсолютно противоположным образом.

Показателен и любопытен следующий пример – отзыв молодого современного читателя на книгу известного белоэмигрантского писателя Гайто Газданова «Полёт» написанную автором в 1939 году. Вот как он звучит:

«Основное тяготение каждой истории – на устройстве личной жизни соответствующего персонажа. Все остальные жизненные вопросы, будь то работа, деньги, семейные обязанности, отношения с другими людьми, не имеющие романтического подтекста, существуют ровно постольку, поскольку они как-то связаны с любовными вопросами.

В реальности я, честно говоря, никогда не видела людей, настолько увлеченных своей личной жизнью, чтобы перед ней отступало все остальное – по крайней мере, больше, чем на пару месяцев подряд. Обычно бурный романтический период у нормальных людей за какое-то время проходит, и они возвращаются обратно, в семью, в работу, в коллектив, но не таковы герои Газданова: у них, кажется, романтический ресурс воистину бесконечен».

Или – полная возмущения реплика по поводу тем сочинения на ЕГЭ в этом году:

«Умение писать по-русски проверяется не навыком трюндеть ни о чем – о красоте кленового листочка и

рефлексии дедов на завалинке под музыкальных аккомпанемент. Неужели правда нет для российских школьников в 21 веке нормальных практико-ориентированных тем для сочинений?»

«Романтический ресурс» – «увлеченность, перед которой отступает все остальное», нежелание «возвращаться обратно», «навык трындеть о красоте кленового листочка» свойственны бывшим горожанам. Современный сигнификативный диссонанс не всегда позволяет разглядеть в этой «свойственности» критическую ситуацию и ее творческое переживание, а быть может, и переживание особого типа.

Что же собой представляет работа переживания у жителя мегаполиса, что всеми силами своей души устремился к загородной жизни? И какой толк от этого переживания людям, не имеющим (быть может, в настоящий момент) намерения бросить мегаполис и перебраться жить за город – есть ли в нем нечто такое, что может способствовать «пониманию» работы переживания в критических ситуациях, не связанных с вопросами загородной жизни, воздействовать на внутренний опыт субъектов переживания?

«Бытие собой» vs «Приставленность к городу»

Причины, побуждающие жителей больших городов перебираться за город, исследуются современными психологами и социологами с возрастающей настойчивостью и прежде всего в «практико-ориентированном» ключе. Как отмечает О.Я. Виноградская, исследуя феномен переезда горожан в деревню, исследователи склонны навязывать объекту исследования собственную рациональность. Между тем различие жизненных обстоятельств переезжающих горожан столь велико, что не объясняет рациональность их выбора.

Если не рассматривать в качестве решающих обстоятельств довлеющие в исследованиях рациональные основания (экология, здоровье, улучшение жилищных условий для себя или близких и прочее благополучие) – что же тогда можно найти за их пределами?

Представляется важным обратить внимание на уровни вопросов, которыми задается человек, принимая решение о загородной жизни. Финансовые, хозяйственные, организационные вопросы, представляющие сферу рационального, отступают на второй план перед главным вопросом-переживанием: **«Кем я буду, живя за городом?»** (Первый ответ, который напрашивается: «Никем – нету тут для меня, горожанина, никакой профессии, никакого дела.) За вопросом «кем я буду» следует вопрос: **«Кто я сейчас?»**. А там рукой подать до вопроса: **«Кто я есть на самом деле?»**

Этот вопрос: «Кем я буду, живя за городом?» – точно лакмусовая бумажка, проверочный вопрос, захватывающий не просто отдельную практическую область (профессиональная самореализация, положение, достаток), но – внезапно – жизнь человека в целом.

Кем же хочет оказаться будущий загородный житель? Прежде всего он знает, кем он быть **не хочет**. Он не хочет быть частью городского механизма, где город задает правила игры, статус, говорит ему, кто он, кем он должен становиться, в какие процессы включиться, чтобы получать и поддерживать свое благополучие. «Приставленность» к городу, «захваченность» человека событиями технологического мира «принуждает его отказаться от своей субъектности» (Виноградская, 2018). **Кем он и хочет, и не хочет быть?** В самоописаниях или беседах можно заметить амбивалентное отношение к своему статусу горожанина и к своему положению в профессиональном поле, гарантирующем возможности и

достижения, круг коллег и клиентов. ***Кем он хочет быть?*** Ответ на этот вопрос, как правило, дается не в виде краткого категоричного заявления о себе, а представляет собой описание сложно устроенного мира, в котором человек надеется вернуть себе свою субъектность, ощущать себя ***собой***.

Главный вопрос: ***«Кем я буду, живя за городом?»*** – обозначает препятствие и невозможность (невозможность быть собой в большом городе, невозможность сохранить в загородной жизни статус «приставленного» к благам большого города) и одновременно побуждает, **отталкиваясь от невозможного, двигаться к себе настоящему.**

Переживание ностальгии

Такое *бытие собой* бывшему горожанину даётся непросто. Какую работу в данном случае совершает переживание? Многие в психологической ситуации сбежавшего горожанина схоже с «необратимой ситуацией», которая может быть охарактеризована как ситуация, порождающая ностальгию – «утрата человеком первоначального единства с окружающей средой, возникающая либо вследствие развития его собственной индивидуальности и пробуждения личного сознания» (Фенько, 1994). У человека, принявшего решение уехать за город, внутренняя работа переживания направлена на принятие себя и сложности мира, восстановление непрерывности своей личной истории, примирение с судьбой.

Воспоминание как средство этого переживания, многогранно и обращено к самым разным слоям опыта, значимость которого в процессе переживания возрастает. Воссоздаваемые образы Дома, Родины не только идеальны, они могут облекаться и в

материальную форму – через сад, дом, детали жизнеустройства.

Вчитываясь в рассказы (самоописания и интервью) людей, которые покинули родной город и уехали жить за город возделывать свой сад и обустраивать свой дом, трудно не обратить внимание на ностальгические мотивы и на работу переживания, которая не останавливается, хотя внутри неё можно заметить определенные этапы завершенности.

И прежде всего **сад** в этих рассказах является образом, обладающим наибольшей внутренней убедительностью, образом, который «вводится в работу переживания, который вспоминается и который воссоздаётся в «новой жизни», становясь связующим, исцеляющим звеном в цепочке воспоминаний.

«В прошлом году не стало моего папы. Он очень любил нашу дачу, практически все плодовые деревья посажены его руками, да что там деревья, много чего сделано его руками. В последние годы он окончательно потерял зрение и жил наощупь. Каждое утро мы делали с ним обход, он искал рукой ветку и безошибочно определял, слива ли это, или вишня, или яблоня. Мы намечали "фронт работ" на день или на целое лето. Следующее утро снова было полно планов. Папа помнил, где посажен пион, а где золотые шары, находил их по памяти, осторожно трогал и радовался, что цветы набирают бутоны.

Папа ходил в старых кирзовых сапогах и громко шоркал ногами...теперь папы нет, а сапоги остались...

...В этом году мы приехали на дачу и было какое-то холодное снежное утро. Я всё никак не могла согреться, как вдруг увидела папины сапоги. Как-то само собой я их надела и пошла в огород. И ноги мои зашоркали по дорожкам, и тоска моя по папе немного отступила. Теперь я утром надеваю папины сапоги, вроде как идём

мы с ним вместе, как раньше, и строим планы на день или на всё лето...»

Для городского человека загородная жизнь обладает особой мощью ностальгического воспоминания, пронизывающим пространство и время.

В детстве у человека, как правило есть, собственный «сад» (по крайней мере был до недавнего времени) – будь то маленький садик во дворе или огромный загородный сад – мир, в котором красота окружающей природы и любовь близких людей пробуждают чувства, мысли, интерес к творчеству. Современный человек покидает этот сад не просто физически, но прежде всего психически – он отправляется на поиски себя, возвращает своё самосознание, сапомонимание. В этой своей жизни – жизни по-своему кочевой, перевалочной – он многое пробует, много достигает, многое теряет и многое находит. Время от времени его тянет в «сад» – быллой, прежний. О нём он вспоминает, прогуливаясь в парке, отправляясь на многочисленные городские выставки цветов, садов и ландшафтных дизайнов (Кретьова, 2018).

Сады эти могут давать о себе знать совершенно внезапно: заскользит по стене луч света, повеет ароматом чабреца или дыни. Или неожиданным образом: смотрит человек фильм про обречённые чаепития помещиков или про бодрый отдых советских профессоров, а всматривается не в сюжет – в дачные постройки, переплёты на верандах, старые кусты сирени, скамейку под дождём, некошеную лужайку перед домом: что-то вспоминает своё, родное, счастливое, о чём-то тоскует – о доме.

Сад – выразительное пересечение пространства и времени, узор былого и будущего смысла. Там, где-то далеко, берёт свое незыблемое начало ностальгия – тянется тонкая золотая нить, связующая нас с

воспоминаниями о «совершеннейшем, счастливейшем детстве» (Набоков, 2017), с миром, обладающим неоспоримой внутренней реальностью. «Туда, к бытию в целом, тянет нас в нашей ностальгии. Наше бытие есть это притяжение. Но “нас тянет” – это значит нас одновременно неким образом что-то тащит назад» (Хайдеггер, 2013). Назад – к цветам и травам, к лесным тропинкам, к райским садам. Именно эта ностальгическая связь – прошлое – еще более далекое прошлое – грядущее – выход из замкнутого круга, твердая духовная опора.

Онтологическое постоянство

Что вызывает любопытство в переживаниях «загородных людей», в их рассказах – это ощущение некоторой «законченности» жизни, выхода из жизненных водоворотов, разомкнутых кругов. В какой-то момент человек понимает, что прожил свою жизнь – ту жизнь, в которой искал и осознавал себя, и всё ещё не был собой. Причём случиться такое с человеком может в любом возрасте.

В загородной жизни люди, как правило, перестают ставить цели и подводить итоги, надумывать схемы своего и чужого самосовершенствования и жизнеустроения. Слишком много в ней внутреннего покоя, созерцания, творчества. Слишком много в ней бытия собой и связи с самой сутью жизни, принятия своей жизни, принятия смерти и бессмертия.

«Я ничего не жду. Всё, что можно и нужно, в моей жизни случилось. Впереди ни открытий, ни разочарований. Ни плохого, ни хорошего. Только и останется мне, что возделывать свой сад. А с другой стороны – как же весело и непринуждённо живётся. Скучать не приходится».

Загородный мир, при всей своей сезонной изменчивости, обладает неким онтологическим постоянством. В загородной жизни на месте не только «кленовый листочек», но и сам человек на месте:

«В чем прелесть Алевинской жизни? Все всегда на своих местах – сирень, козочки...»

А вот о созерцании и размышлениях:

«Я полезла полоть грядки и одновременно думала о своей жизни))) Да-да-да, не смейтесь, это с виду кажется, что прополка – это абсолютно механическое и скучное занятие. Но так думает только тот, кто никогда не полон! Прополка (как и любая работа с землей) – это, без сомнения, философское занятие, где тебя ждёт просветление сознания, успокоение, ясность мысли и даже озарения! Вот такое озарение вчера меня и посетило. Копаясь в грядках и в своей душе, я поняла, что совершенно ни на кого не держу обид, никому не завидую и не на кого не злюсь. Мало того, я не нашла причин в чём-то корить свою судьбу. Это прекрасное ощущение, наверное, это и есть счастье...»

«Косил газон – первый раз в сезоне. Любимое моё занятие. Совсем другой вид у поместья. Яблони в цвету. Мысли в таком пейзаже текут непринотливо, плавно. Мысли ни о чём – что и нужно человеку. А если мысли о чём, то человек мучается, иногда доходит до иступления, бесится.»

Закатывалось за горизонт солнце, и я думал: вот так и моя жизнь закатывается. Но вот оно скрылось за горизонтом, заалела заря, потом она поблекла, птицы стали затихать, только дрозды сильно взялись. Выступили робкие звёзды, а из-за ёлки и липы сверкнул обломок луны. И новая мысль: да никакой у меня не закат жизни! А расцвет. Бессмертие человека – это ощущение сильного чувства жизни. Жить – тяжёлое, непростое занятие. И песни птиц, и заря, и звёзды, и луна, и

стриженный газон поднимают меня, становится легко и просто. Может, я дурачок?»

Переживание кризиса может быть постоянным, но и принятие своей жизни, принятие благодарное – колеблется, но не исчезает. Как в старом радиоприемнике – крутишь ручку, чтобы найти волну. Она затихает, уходит, и надо время от времени немного подкручивать.

Ощущение «прожитости жизни» при непрерывности переживаемого кризиса представляется определенной инверсией стремления наконец-то «пережить», положить конец невыносимости и устремиться навстречу «новой жизни».

Миссия эмиграции

Соотнесение с ностальгией как с ключевым переживанием извлекает на свет ещё одну аналогию – миссию эмиграции. Уезжая, бывшие москвичи забирают с собой «фамильные портреты и драгоценности» – лучшее, что у них когда-то было: счастливые воспоминания о городе, любознательность и безмятежность. И даже ту особую городскую лень – благодушный пролог творчества.

Нет для них прежней Москвы. Не могут они принять жизни, воцарившейся в их родном городе, оттого покидают его добровольно и полные надежд, тревог, замыслов строят свой Дом. С благодушием и любознательностью всматриваются в своё неопределённое будущее. И нисколько не претендуют – даже не задумываются – о своей миссии. Миссия у них получается как-то сама собой, вне планов и размышлений. Образы, создаваемые работой их переживания – образы Дома, Родины, Прошлого – внутренне (а во многих случаях и для внешнего наблюдателя) убедительны и совершенны. Взятые

воедино, они являют собой образ обители – не напрасно внешнему наблюдателю порой кажется, что сбежавшие за город москвичи ведут жизнь людей, сбежавших в монастырь, затворников. Сопоставление загородной жизни с уходом в монастырь, в котором движущей силой является не внутренний поиск, а внутреннее решение, требует отдельного рассмотрения; в рамках данной статьи представляется важным означить этот образ.

«Вся Россия, которая мне нужна, всегда со мной: литература, язык и мое собственное русское детство. Я никогда не вернусь. Я никогда не сдамся» (Набоков, 1999). Загородные жители – бывшие жители мегаполиса, добровольно покинувшие свой город – испытывают чувства, схожие с набоковскими и имеют схожие намерения. Не просто строят дом в деревне, устраивают сад – шатёр своего детства раскидывают они на новом месте, бесконечно отстаивая свою свободу, право на воспоминания, на творчество, на бессмертие. Процесс восстановления непрерывности личной истории, целостности «Я», принятия своей жизни и судьбы не имеет завершения, как не исчезает и не завершается сама критическая ситуация, положившая начало работе переживания.

«Это не наш город. Нам надо свой строить», – такие строки я встретила у одного москвича, нынешнего загородного жителя.

Бывшим горожанам сад не только даёт чувство дома, родины, обители. Опираясь на принятое решение – вдохновенное и добровольное, на свой опыт городского мышления и творческого энтузиазма, они, создавая мирок родной, уютный, закрытый, не остаются в его пределах. «Пронзительное понимание и прочувствование» прежнего, родного не даёт им покоя: рождаются новые идеи, замыслы, нередко альтруистичные.

В этом беспокойстве, в непрерывности переживания, обусловленного, в том числе, восприятием бесконечности прошлого и его связи с будущим, мироощущением, близким к эсхатологическому – источник духовной и психологической устойчивости, как для самого субъекта переживания, так и для внешнего наблюдателя.

В заключение представляется важным предположить, что исследование переживания, в котором кризис не имеет завершенности, с одной стороны, возвращает категориям творческого жизненного мира былую глубину и высоту, с другой – придает ему новый объем, являя жизненный мир, категории которого обладают собственными характеристиками.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М.: МГУ, 1984. 200 с.
2. *Виноградская О.Я.* Онтологические основания переезда горожан в деревню // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 4. С. 123-135. DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-123-135
3. *Кретова Л.А.* Жизненный мир сада: надежды и кризисы загородной жизни // Материалы VI Научно-практической конференции с международным участием «Понимающая психотерапия: основы и пути развития» (г. Москва, 22–24 июня 2018 г.). М.: АППТ, 2018. С. 46–49.
4. *Набоков В.В.* Другие берега. СПб: Азбука, 2017. 384 с.
5. *Набоков В.* Собр. соч. русского периода. В 5 т. Т. 2. СПб., 1999.
6. *Фенько А. Б.* Психология ностальгии: Дисс. ... канд. психол. наук. Спец. 19.00.01. М.: МГУ, 1994.

7. *Хайдеггер М.* Основные понятия метафизики. Мир – Конечность – Одиночество. Перевод: В.В. Бибихин, А.В. Ахутин, А.П. Шурбелев. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.